

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-92–120

ОБ ОДНОМ ТИПЕ НАБОРОВ БУС ИЗ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА

А.А. Стоянова

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
ancient2008@mail.ru, stoyanova.anastasiya@gmail.com

Аннотация. В некоторых погребениях Крыма первых веков нашей эры зафиксированы большие, устойчивые по составу наборы стеклянных бус, расположенные на костях голеней погребенных. Их основу составляют цилиндрические пронизи красного и белого цвета, призматические красные, белые и зеленые пронизи, бусы 14-гранной формы зеленого, синего и лилового цветов, округлые бусы с внутренней металлической прокладкой. Число бус в наборе в среднем составляет несколько сотен экземпляров. Наиболее устойчивая их взаимосвязь проявляется с одночленными лучковыми подвзными фибулами 5-го варианта и с фибулами «инкерманской» серии по классификации А.К. Амброза. На основании датировок фибул можно сделать заключение о появлении таких наборов в предгорном Крыму во второй половине II в. н.э., возможно ближе к концу столетия, и их использовании всю первую половину III в. н.э. Подтверждается этот вывод сочетанием наборов с зеркалами типа Хазанов-IX, крупными подвесками-лунницами и монетами. Эти бусы являлись частью костюма женщин старше 20 лет, ими, по всей вероятности, обшивался подол платья, штаны или голенища сапог. Традиция расширять обувь или подол платья бусами была широко распространена в сарматском мире и пограничных с ним регионах, однако за пределами Крыма наборы, аналогичные рассматриваемым, почти не встречаются. Исключение – сарматские погребения Альфельда и Баната, где очень близкие по составу и аналогичные по назначению комплекты использовались со II по IV века. Скорее всего, рассматриваемые наборы бус – явление, сформировавшееся у населения крымских предгорий во второй половине II века, причем распространенное не везде, а в отдельных коллективах, хоронивших на определенных некрополях. Особенно интересен факт присутствия таких наборов в склепах с короткими дромосами, которые появляются в крымских предгорьях в первой половине III в. н.э. и связываются исследователями с мигрантами с Северного Кавказа. Он отражает сложные процессы взаимодействия пришельцев и аборигенных жителей, возможно, маркируют формирование смешанных брачных союзов.

Ключевые слова: предгорный Крым, римское время, набор бус, женский костюм, хронология, этнические процессы.

Данные об авторе: Стоянова Анастасия Анзоровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты».

Среди аксессуаров женского костюма первых веков нашей эры бусы по своему количеству и разнообразию занимают доминирующее положение. Сочетания типов бус в индивидуальных наборах и способы использования наборов в костюме выступают хронологическими реперами и отражают изменения в культурно-этнической структуре населения предгорного Крыма в римский период. В данной статье рассмотрен феномен, зафиксированный в некоторых могильниках полуострова: сотни стеклянных бус определенных типов расположены рядами поперек костей голени погребенных. Основу этих наборов составляют цилиндрические бусы из глухого красного и белого стекла (типы 57 и 55 соответственно¹), призматические пронизи из красного, белого и зеленого стекла (типы 117, 116 и 120), 14-гранные пронизи из зеленого (тип 131), реже, синего (тип 134) или лилового (тип 128) стекла. Часто они дополнены округлыми бусами из стекла с внутренней металлической прокладкой из металла белого или желтого цвета (типы 16 и 26). В состав набора иногда входят единичные экземпляры стеклянных бус других типов, но они мало влияют на его облик. Такие наборы сопровождали погребенных в могильниках Курское, Нейзац, Опушки, Левадки, Фонтаны, Усть-Альма, в погребении у с. Мичурино. В некоторых случаях они не зафиксированы *in situ* из-за ограблений². Однако многие могилы представляют собой закрытые комплексы с разнообразным сопровождающим инвентарем, позволяющим установить хронологические рамки бытования таких комплектов, особенности составления и использования наборов в костюме.

В Нейзацком могильнике рассматриваемые наборы обнаружены в 23 погребениях (3,8% от общего количества раскопанных комплексов).

Могила № 17, склеп³. Бусы в ногах расчищены у двух погребенных – I и II, но у погребения I, из-за смещения костей и инвентаря в результате обрушения свода камеры, состав набора восстанавливается плохо. В погребении II комплект сохранившихся бус состоял из 70 экземпляров: 27 цилиндрических красных (57⁴), 10 цилиндрических белых (55), 6 цилиндрических зеленых (63), 14 с металлической прокладкой (16, 26). Захоронение сопровождалось железной шарнирной фибулой⁵.

Могила № 29, подбойная. Погребение женское⁶, возраст не определен. На костях голени зафиксировано большое скопление бус (рис. 1, 1), сохранилось после расчистки 488 экземпляров (рис. 1, 3–6, 9–12, 14), среди которых: 119 цилиндрических белых (55), 112 цилиндрических красных (57), 19 призматических и 46 четырнадцатигранных зеленых (120 и 131), 15 четырнадцатигранных синих (127), 174 с позолотой (1, 2). Набор дополнен единичными бусами других типов⁷. Бусы располагались на костях ног и под ними, практически полностью обвивая голени, длина рядов составляла около 30 см. В могиле найдены херсонесский тетрасарий 161–180 гг. (рис. 1, 7), одночленная лучковая подвязная фибула

¹ Типы бус даны по классификации Е. М. Алексеевой (Алексеева 1978).

² Мульд 2001, 56; Стоянова 2005, 156–159.

³ Храпунов, Мульд 2004, 300–308.

⁴ Здесь и далее в скобках указан тип бус.

⁵ Храпунов, Мульд 2004, 301, 303, рис. 6,2.

⁶ Все антропологические определения материалов из Нейзацкого могильника сделаны В.Ю. Радочинным.

⁷ Храпунов, Мульд 2000, 511, рис. 13.

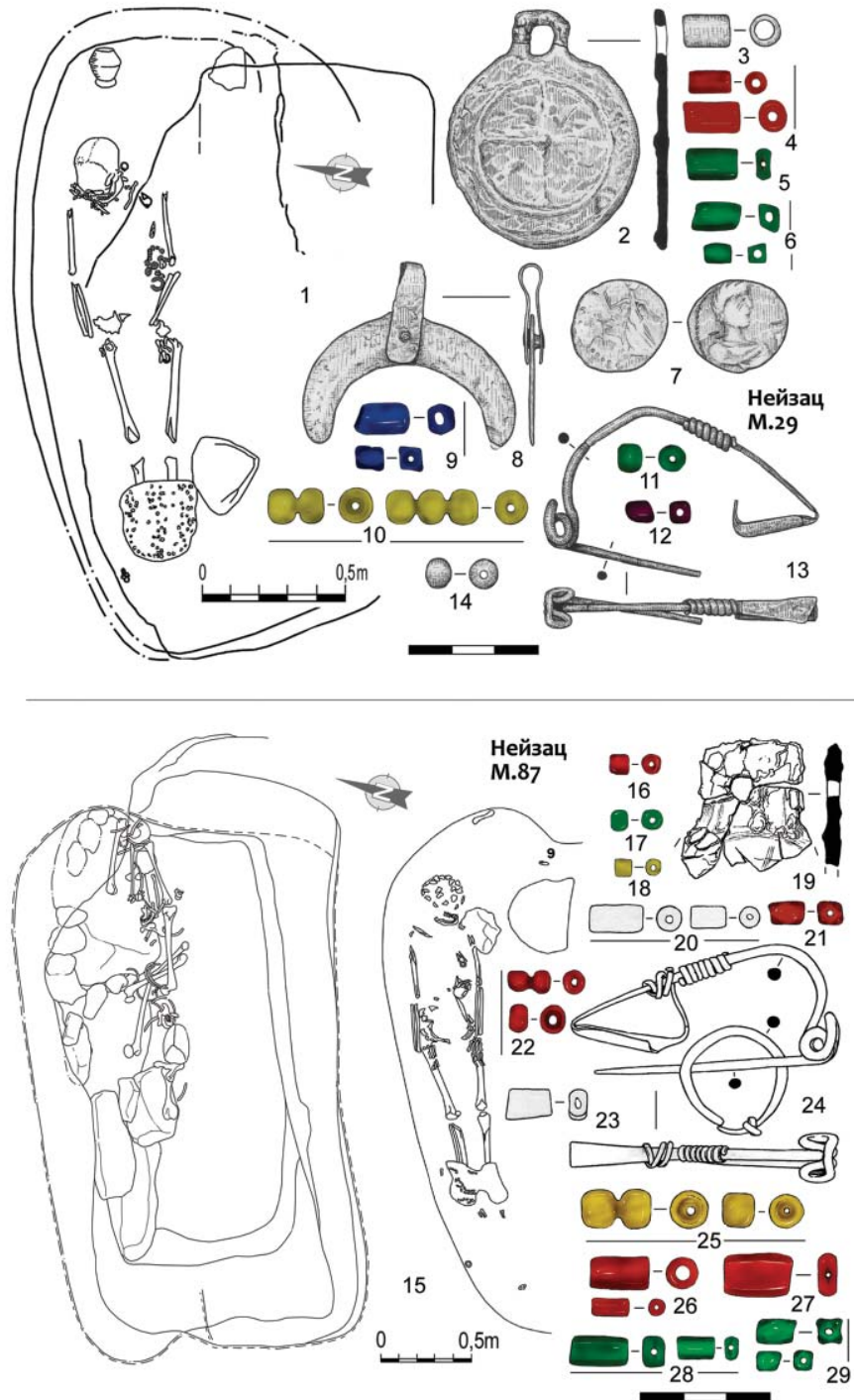

Рис. 1. Могильник Нейзац: 1–14 – погр. № 29; 15–29 – погр. № 87

Fig. 1. Neyzats Necropolis: 1–14 – grave 29; 15–29 – grave 87

варианта 5⁸ (рис. 1, 13), зеркало типа IX⁹ (рис. 1, 2) и крупная подвеска-лунница¹⁰ (рис. 1, 8).

Могила № 87, подбойная¹¹. Погребение женщины 30 лет. Бусы располагались рядами поперек голеней, от середины берцовых костей до щиколоток (рис. 1, 15). В набор входило более 400 экземпляров, среди сохранившихся присутствуют бусы следующих типов (рис. 1, 16–18, 20–23, 25–29): 51 цилиндрическая белая (55), 126 цилиндрических красных (57), 42 призматических красных (117), 57 призматических зеленых (120), 32 зеленых, 10 красных и 18 лиловых в форме 14-гранников (131, 127, 128), 27 шаровидных красных (3), 27 шаровидных с внутренней металлической прокладкой (16). В состав погребального инвентаря входила лучковая подвязная фибула 5-го варианта по А.К. Амброзу (рис. 1, 24) и обломок зеркала с боковой петлей типа Хазанов-IX (рис. 1, 19).

Могила № 104, склеп¹². Разграбленный, кости погребенных практически не сохранились, но на полу *in situ* расчищены два скопления бус, по составу аналогичных рассматриваемым наборам. Скопление 1¹³: 87 цилиндрических красных (57), 72 цилиндрических белых (55), 39 призматических красных (117), 18 призматических зеленых (120), 5 красных, 13 зеленых и 32 лиловых в форме 14-гранников (127, 131 и 128 соответственно), 117 округлых с позолотой (16, 26).

Состав скопления 2¹⁴: 11 цилиндрических белых (55), 37 цилиндрических красных (57), 15 призматических красных (117), 8 призматических зеленых (120), 3 четырнадцатигранных зеленых (131). Набор дополнен небольшим количеством шаровидных бус из белого (тип 2) и бесцветного (тип 17) стекла.¹⁵ Нет уверенности в том, что и скопление 2, и другой инвентарь, обнаруженный недалеко от него на полу камеры, принадлежат одному погребению. Тем не менее отметим, что среди найденных предметов отсутствуют бронзовая лучковая подвязная фибула 4-го варианта по А.К. Амброзу, а также украшенные фасетками пряжка и наконечник ремня¹⁶.

Могила № 170, подбойная (рис. 2, 1). Антропологическое определение отсутствует. В скопление бус (сохранилось около 240 экз.) в районе щиколоток входили следующие бусы (рис. 2, 3–9, 11, 12): 49 цилиндрических красных (57), 41 призматическая красная (117), 37 в форме 14-гранника зеленых (131), 54 шаровидных белых (2), 49 округлых с внутренней прокладкой (16, 26). Набор дополняли несколько бусин из стекла других типов. Длина нитей – около 25 см, ширина обшивки – около 15 см. Погребение сопровождала лучковая подвязная фибула 4-го

⁸ Амброз 1966, 51. В публикации 2000 года авторы ошибочно отнесли фибулу к 3-му варианту (Храпунов, Мульд 2000, 511), в более поздней публикации фибул из Нейзацкого могильника застежка отнесена к 5-му варианту (Khrapunov, Stoyanova 2018, 457, № 17).

⁹ Хазанов, 1963, 65.

¹⁰ Храпунов, Мульд 2000, 511–513.

¹¹ Часть материалов из могильников Нейзац и Опушки, приведенных в данной статье, не опубликована и предоставлена для работы автором раскопок этих памятников И.Н. Храпуновым, за что выражаю ему глубокую благодарность.

¹² Храпунов, Мульд 2004, 308–310.

¹³ Храпунов, Мульд 2004, рис. 8, 17.

¹⁴ Храпунов, Мульд 2004, рис. 8, 1.

¹⁵ Данные о наборах бус уточнены по отчетной документации, в публикации (Храпунов, Мульд 2004, табл. 2) представлена обобщенная информация о всех найденных в комплексе бусах.

¹⁶ Храпунов, Мульд 2004, рис. 9, 6, 19, 20.

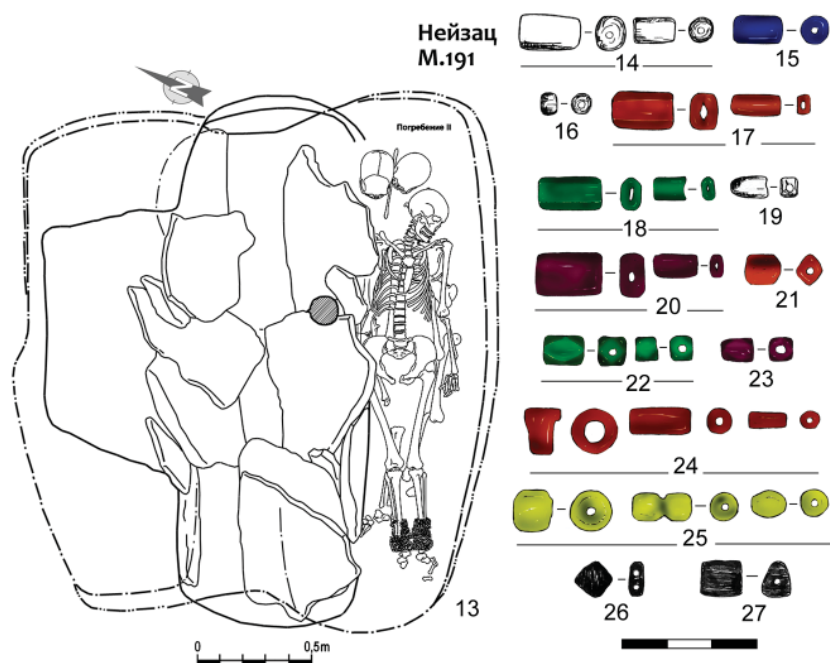
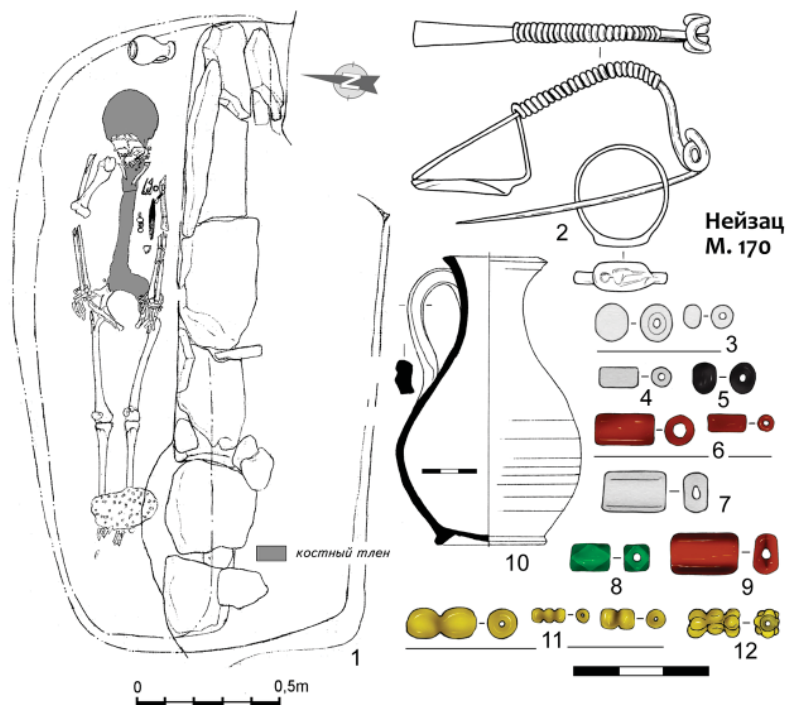

Рис. 2. Могильник Нейзац: 1–12 – погр. № 170; 13–27 – погр. № 191

Fig. 2. Neyzats Necropolis: 1–12 – grave 170; 13–27 – grave 191

варианта по А.К. Амброзу (рис. 2, 2) и краснолаковый кувшин (рис. 2, 10) формы 39 по Д.В. Журавлеву¹⁷.

Могилы № 191, подбойная. В одном из подбоев совершены погребения в два яруса. Погребение II (нижнее) женское, возраст 25–30 лет. В районе щиколоток расчищены два компактных скопления бус (сохранилось 445 экз.), имеющих четкие границы и не соединяющихся друг с другом. Бусы лежали горизонтальными рядами над берцовыми костями и под ними, длина рядов в каждом скоплении — около 10 см, ширина — около 15 см (рис. 2, 13). В набор входили (рис. 2, 14–27): 27 цилиндрических белых бус (55), 149 цилиндрических красных (57), 30 призматических зеленых (120), 50 зеленых и 120 лиловых в форме 14-гранников (131 и 128), 35 призматических лиловых (118), 14 округлых с позолотой (16, 26). Сопровождающий погребение инвентарь беден и представлен, кроме бус, фрагментом зеркала с боковой петлей типа Хазанов-IX.

Могилы № 300, подбойная. Набор сопровождал захоронение I, пол и возраст умершего не определен¹⁸. Бусы располагались горизонтальными рядами длиной около 30 см поперек голеней, почти полностью их перекрывая (рис. 3, 1). Ширина обшивки — 25 см. После расчистки сохранилась 521 бусина (рис. 3, 6–14): 208 цилиндрических красных (57¹⁹), 58 цилиндрических и 5 призматических белых (55, 116), 32 призматических красных (117), 18 призматических зеленых (120), 27 четырнадцатигранных зеленых (131), 168 округлых с позолотой (16, 26). Погребение сопровождалось разнообразным инвентарем, в частности лучковой подвязной фибулой II («инкерманской») серии по классификации А.К. Амброза (рис. 3, 4), зеркалом-подвеской типа Хазанов-IX (рис. 3, 3), шарнирным браслетом со щитком (рис. 3, 5) и подвеской-лунницей (рис. 3, 2).

Могилы № 307, подбойная, с многократными погребениями²⁰. Бусы сопровождали самое раннее погребение VIII, принадлежавшее женщине старше 35 лет (рис. 3, 15). Они лежали в семь, неплотно прилегающих друг к другу рядов длиной 28–30 см. В состав набора входило более 900 бусин (рис. 3, 16, 17, 19, 21–32): 150 цилиндрических белых (55), 18 призматических белых (116), 30 цилиндрических красных (57), 29 призматических красных (117), 22 четырнадцатигранных и призматических зеленых (120, 131), 539 округлых с позолотой (16, 26). В набор также входили единичные экземпляры стеклянных бус других форм и несколько десятков цилиндрических и граненных пронизей из стекла плохой сохранности, не позволяющей определить цвет изделия. Погребение сопровождалось серебряными серьгами с овальными щитками (рис. 3, 18), аналогии которым известны в крымских комплексах II–III вв. н. э.²¹ Для уточнения хронологии погребения VIII важно присутствие двучленной лучковой подвязной фибулы серии III по классификации А.К. Амброза (рис. 3, 20) на расположенном рядом костяке VII, совершенном, по всей видимости, ненамного позже захоронения VIII.

¹⁷ Журавлев 2010, 171.

¹⁸ Храпунов 2011, 197–198.

¹⁹ В публикации комплекса к этому типу отнесено только 25 бусин, остальные охарактеризованы как бусы из ирризованного стекла (Храпунов 2011, 197–198).

²⁰ Храпунов 2014.

²¹ Храпунов 2014, 83.

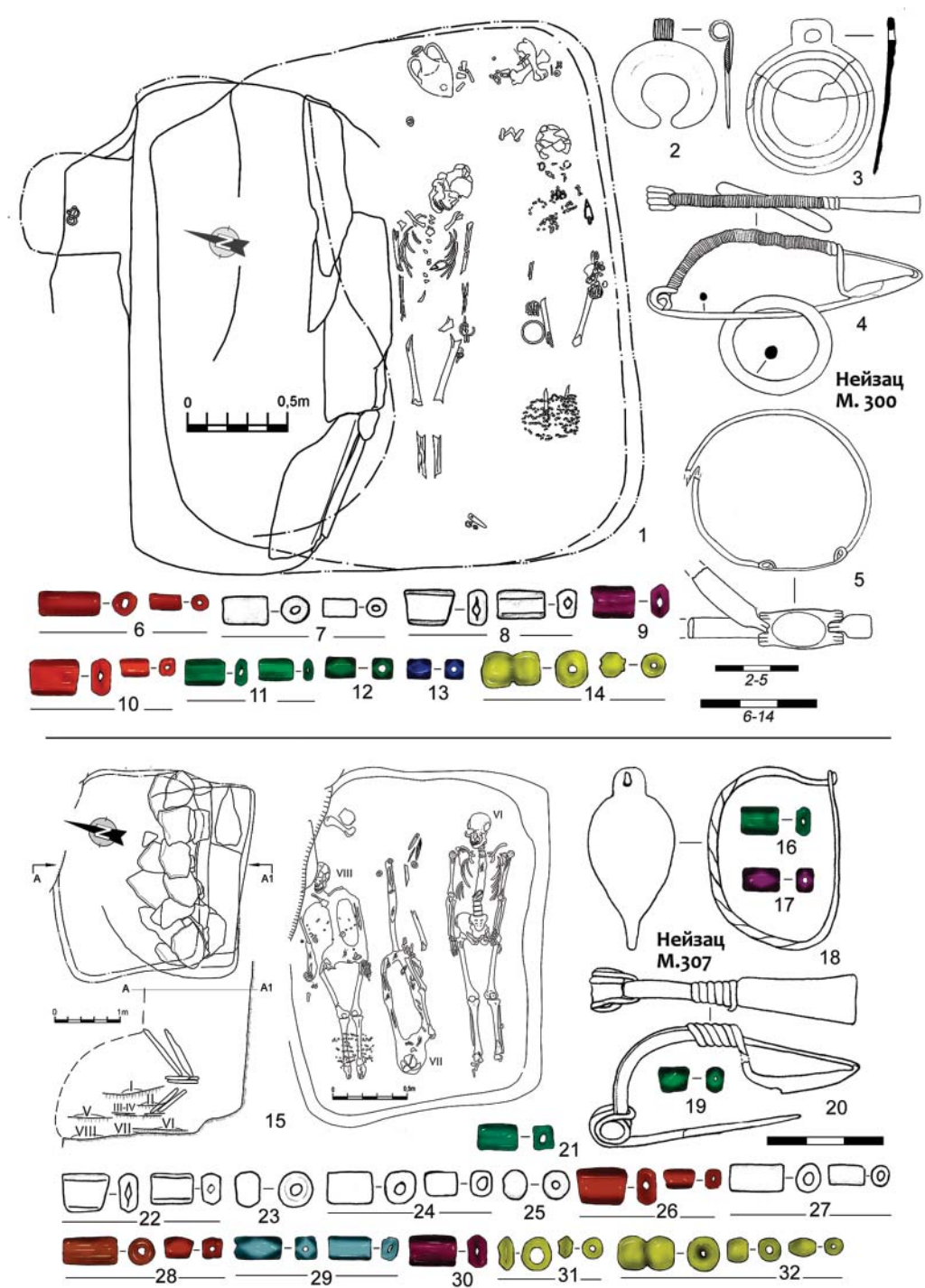

Рис. 3. Могильник Нейзац: 1–14 – погр. № 300; 15–31 – погр. № 307
 Fig. 3. Neyzats Necropolis: 1–14 – grave 300; 15–31 – grave 307

Могила № 583, подбойная (рис. 4, 1). Пол и возраст погребенного не установлены. Около 400 сохранившихся экземпляров бус компактно располагались рядами вокруг нижней части голени, в том числе: 2 и множество фрагментов цилиндрических белых (55), 202 цилиндрических красных (57), 50 призматических и 21 четырнадцатигранная зеленые (120, 131), 112 округлых с позолотой (16, 26) (рис. 4, 3–8, 10, 11). При расчистке погребения удалось зафиксировать порядок расположения рядов бус длиной 20–22 см, составлявших сплошную полосу шириной около 20 см (рис. 4, 12):

- 1 ряд (верхний): цилиндрические белые
- 2 ряд: округлые из стекла с внутренней позолотой
- 3 ряд: цилиндрические красные
- 4 ряд: округлые из стекла с внутренней позолотой
- 5 ряд: цилиндрические белые
- 6 ряд: цилиндрические красные
- 7 ряд: цилиндрические белые
- 8 ряд: 14-гранные и призматические зеленые
- 9 ряд: округлые из стекла с внутренней позолотой
- 10 ряд: цилиндрические красные
- 11 ряд: цилиндрические белые
- 12 ряд: округлые из стекла с внутренней позолотой
- 13 ряд: цилиндрические белые
- 14 ряд: цилиндрические красные
- 15 ряд: цилиндрические белые и призматические или 14-гранные зеленые
- 16 ряд: цилиндрические красные
- 17 ряд: цилиндрические белые
- 18 ряд: цилиндрические красные и призматические зеленые
- 19 ряд (нижний): округлые из стекла с внутренней позолотой.

В состав погребального инвентаря входила лучковая подвязная фибула «ингерманской» серии (рис. 4, 2) и зеркало-подвеска типа Хазанов-IX (рис. 4, 9).

В Опушкинском могильнике открыто 9 могил (2,8% от общего числа раскопанных комплексов), в которых присутствуют наборы рассматриваемого типа, причем во всех случаях бусы зафиксированы *in situ*. В отличие от других памятников, значительная часть опушкинских погребений с такими бусами сосредоточена в грунтовых склепах.

Могила № 38, склеп. Погребение V, женское, 35–45 лет. Бусы располагались тремя горизонтальными рядами в нижней части голени (рис. 5, 1). Сохранившиеся экземпляры представлены следующими типами (рис. 5, 4–13): 10 цилиндрических белых (55), 36 цилиндрических красных (57), 14 белых и 44 красных призматических (116, 117), 31 округлых белых (2, 21), 46 округлых с внутренней прокладкой (16, 26). Набор дополняли несколько стеклянных пронизей других типов. Другой инвентарь в погребении V отсутствовал. Расположенное рядом с ним в центре камеры погребение IV, по всей видимости, самое позднее в склепе, сопровождалось так называемой «двухсоставной» фибулой (рис. 5, 2) и пряжкой с прогнутым, слегка выступающим за край рамки язычком (рис. 5, 3).

Могила № 75, склеп. В камере склепа на полу сохранились остатки нескольких захоронений (рис. 5, 14). У погребенного III (антропологическое определение

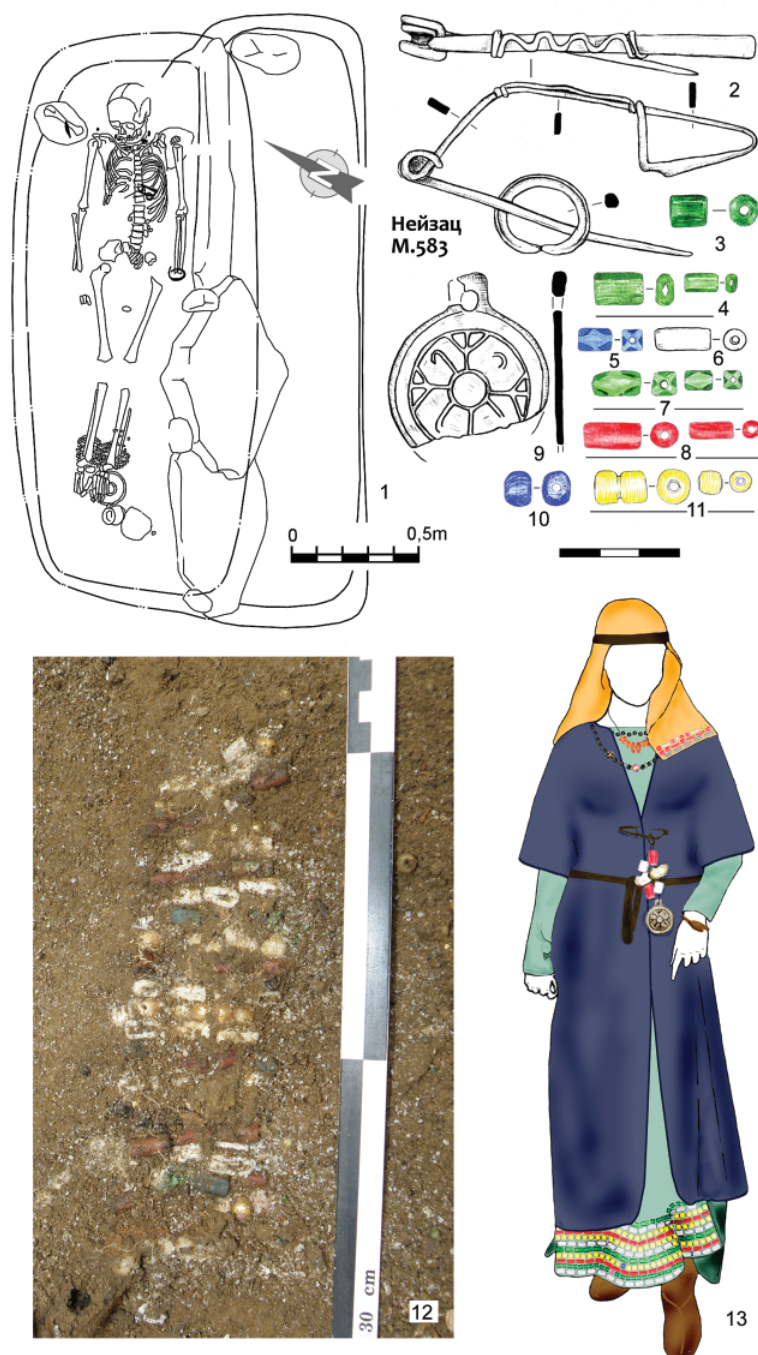

Рис. 4. Могильник Нейзац, мог. № 583: 1–11 – план и инвентарь, 12 – расположение бус *in situ* (фото – С.А. Мульд), 13 – вариант реконструкции костюма (рисунок – А. А. Стоянова)
 Fig. 4. Neyzats Necropolis, grave 583: 1–11 – ground plan and grave goods, 12 – beads *in situ* (photo by S. Muld), 13 – possible reconstruction of costume (drawing by A. Stoyanova)

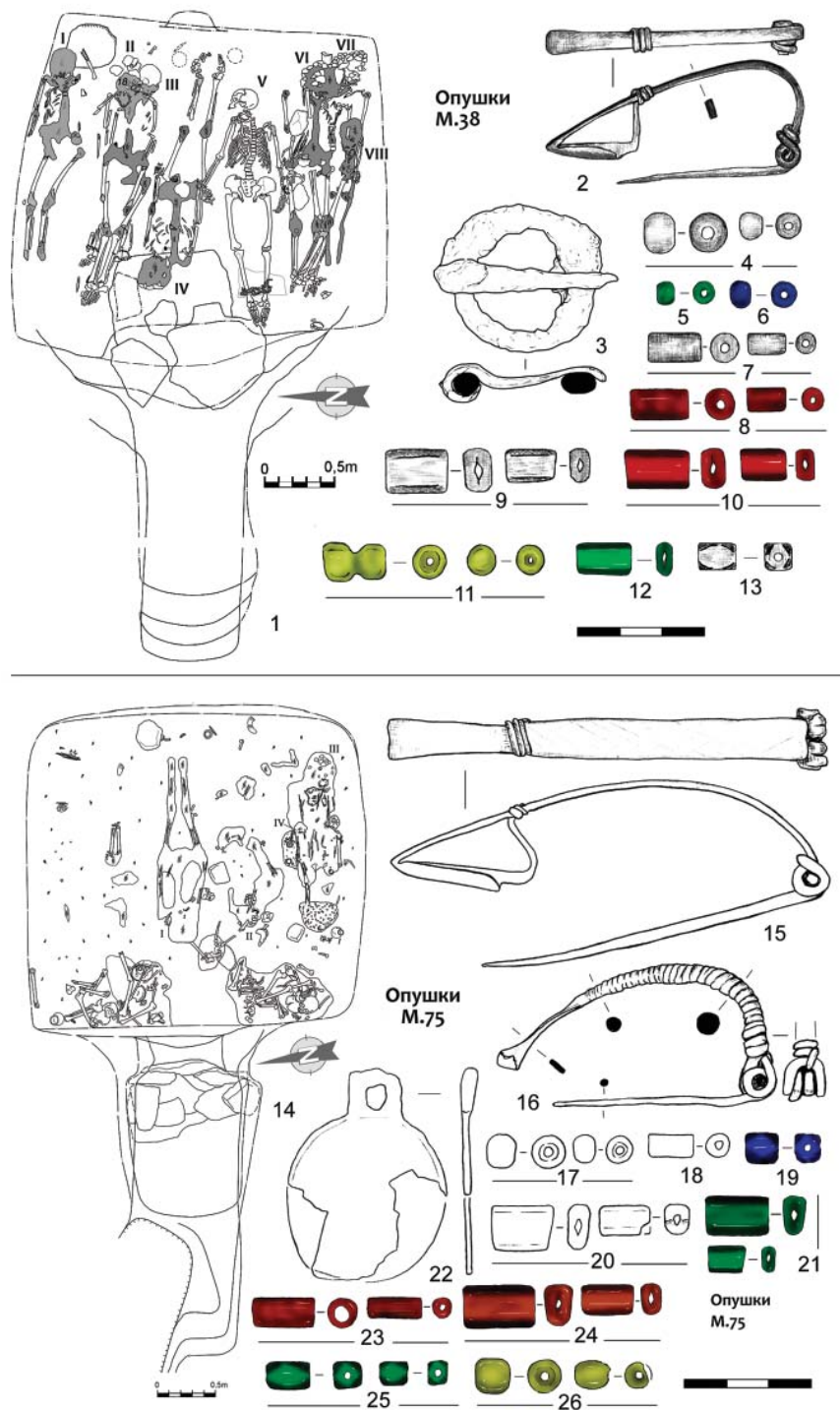

Рис. 5. Могильник Опушки: 1–13 – мог. № 38; 14–26 – мог. № 7
 Fig. 5. Opushki Necropolis: 1–13 – grave 38; 14–26 – grave 7

отсутствует) расчищено скопление размером 35x25 см из нескольких сотен бус, перекрывавшее обе берцовые кости. Основу набора составили пронизи следующих типов (рис. 5, 17–21, 23–26): 16 цилиндрических белых (55), 150 цилиндрических красных (57), 17 призматических зеленых (120), 27 призматических красных (117), 77 четырнадцатигранных зеленых (131), 30 округлых с позолотой (16, 26). Погребение сопровождалось двумя фибулами (рис. 5, 15, 16), одна из которых относится к «инкерманской» серии по А.К. Амброзу, а также зеркалом типа Хазанов-IX (рис. 5, 22).

*Могила № 133*²². В склепе зафиксирован нестандартный случай расположения набора бус рассматриваемого типа. Он сопровождал совершенное в деревянном гробу погребение IV (рис. 6, 1). Из-за плохой сохранности костей, антропологическое определение этого захоронения отсутствует. Из инвентаря на костяке располагалась лишь железная фибула неопределенного типа. Остальные связанные с этим захоронением вещи компактно сложены у ног умершего, в углу гроба. Здесь на слое черного органического тлена лежали стержневидный предмет с остатками деревянной рукояти, кремневый отщеп, две железные пряжки, точильный камень, стопка монет (рис. 6, 2–7) и большое скопление (размером примерно 15x18 см) интересующих нас бус (рис. 6, 8)²³. Только сохранившихся экземпляров в наборе – 563, многие бусины рассыпались. Состав набора: 83 цилиндрических белых (55), 97 цилиндрических красных (57), 16 призматических белых (116), 50 призматических красных (117), 13 призматических синих (124), 14 призматических зеленых (120), 9 синих и 8 зеленых в форме 14-гранника (134, 131), 203 округлых с позолотой (16, 26).

Особенностью этого набора является присутствие в нем бус и подвесок из гагата. Кроме того, инвентарь погребения IV, за исключением бус, характерен больше для мужских погребений: железные фибулы и пряжки, железный предмет с кремневым отщепом, которые можно трактовать как огниво, оселок – такие находки сосредоточены преимущественно в мужских захоронениях²⁴.

Могила № 134, склеп (рис. 7, 1). Бусы сопровождали погребения I и II, антропологическое определение отсутствует. В погребении I пронизи лежали горизонтальными рядами длиной около 25 см, почти полностью перекрывая обе кости голени (рис. 7, 30). Зафиксировано не менее 18 рядов. Сохранилось более 650 экземпляров бус (рис. 7, 5–18): 54 цилиндрических белых (55), 248 цилиндрических красных (57), 29 призматических зеленых (120), 29 в форме 14-гранника зеленых (131), 280 округлых с металлической прокладкой (16, 26). Погребение сопровождалось фибулой «инкерманской» серии (рис. 7, 2), зеркалом типа Хазанов-IX (рис. 7, 3), подвеской-лунницей (рис. 7, 4), а также серебряной монетой Юлии Домны 211–217 гг.²⁵

У расположенного рядом погребения II ряды бус также перекрывали обе берцовые кости, длина нитей достигала 20 см, ширина обшивки – 15–18 см (рис. 7, 31). После зачистки сохранилось около 260 бусин (рис. 7, 19–29): 80 цилиндрических белых (55), 54 цилиндрических красных (57), 54 призматических зеленых

²² Храпунов 2020.

²³ Храпунов 2020, 249.

²⁴ Храпунов 2020, 252; Mączyński, Polit 2016.

²⁵ Определение монеты Н.И. Храпунова.

Рис. 6. Могильник Опушки, мог. № 133
Fig. 6. Opushki Necropolis, grave 133

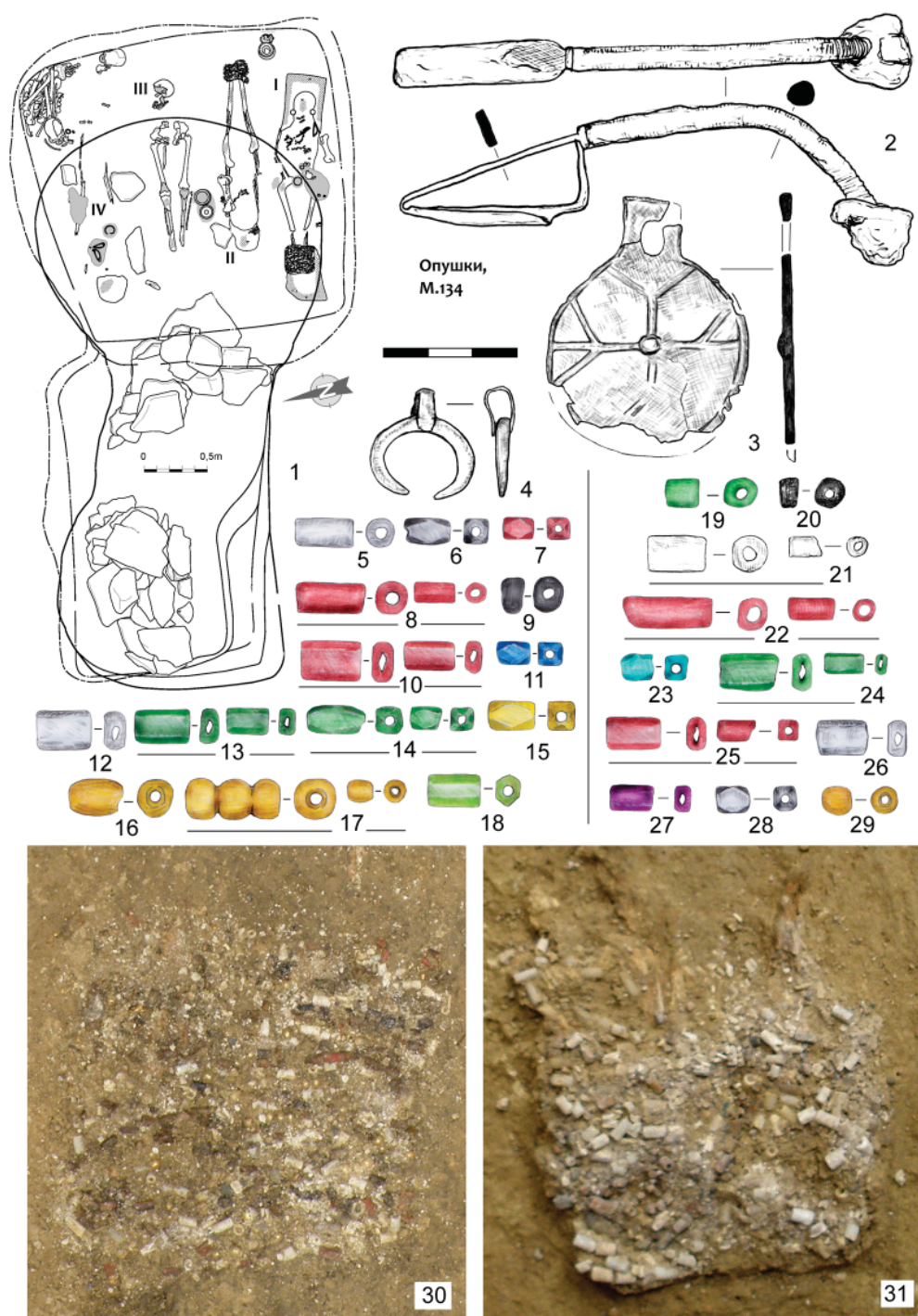

Рис. 7. Могильник Опушки, мог. № 134
Fig. 7. Opushki Necropolis, grave 134

(120), 51 шаровидная с металлической прокладкой (16). Хронологически значимые вещи в погребении II отсутствуют. Очевидно, что оно было сделано позже погребения I, но вряд ли оба захоронения разделяет большой промежуток времени. Монета Юлии Домны дает *terminus post quem* для погребения I.

Могила № 158, склеп²⁶. Более 530 бусин, расположенных в ногах, сопровождали погребение IV, принадлежавшее женщине 30–40 лет²⁷. Зафиксировано 15 рядов бус длиной около 25 см, лежавших поперек голеней. Бусы перекрывали большую часть берцовых костей, доходя практически до колен умершей (рис. 8, I). Основу набора составляли следующие бусы (рис. 8, 4–6, 8–19): 68 цилиндрических белых (55), 146 цилиндрических красных (57), 15 призматических зеленых (120), 18 призматических лиловых (118), 11 призматических красных (117), 234 округлых с позолотой (16, 26). Захоронение не сопровождалось значимым в хронологическом отношении инвентарем. С находившимся рядом погребением III, совершенным явно несколько позже расположенного у стенки камеры погребения IV, связаны сразу две лучковых подвязных фибулы — «инкерманского» типа (рис. 8, 2) и 4-го варианта по А.К. Амброзу (рис. 8, 3), определяющие *terminus post quem* для погребения IV. Погребения второго, более раннего яруса, сопровождал серебряный денарий Септимия Севера 204 г. н.э.²⁸ (рис. 8, 7).

В могильнике у с. Курское рассматриваемые наборы пронизей зафиксированы в 7 подбойных могилах (27% от общего числа исследованных комплексов). По определению авторов раскопок, все погребения женские, возраст погребенных в публикациях не указан²⁹. Наборы из могил № 18 и № 22 отличаются малочисленностью бус из стекла с внутренней металлической прокладкой, кроме того, в могиле № 22 стандартные призматические и цилиндрические пронизи дополняют около сотни шаровидных бусин из красного стекла³⁰. Бусы располагаются рядами поперек берцовых костей умерших, длина рядов 25–30 см, ширина скоплений варьируется от 12 до 20 см, в двух могилах бусы почти полностью закрывают берцовые кости от щиколоток до колен³¹. Качество публикации планов погребений из Курского могильника не позволяет уверенно определить, перекрывали ли бусы обе берцовые кости или ряды украшений обвивали каждую ногу умершей по отдельности. Второй вариант более вероятен, по крайней мере авторы публикаций высказывают предположение, что бусами была расшита обувь погребенных³². В погребениях Курского могильника интересующие нас наборы всегда сочетаются с фибулами: в одном погребении — с лучковой подвязной фибулой 4-го варианта³³, в двух погребениях — с лучковыми подвязными 5-го варианта³⁴, два раза — с шарнирными фибулами с кнопкой на конце пластинчатого приемника³⁵, в одном случае — с «двухсоставной» лучковой подвязной застежкой «инкерманской»

²⁶ Храпунов, Стоянова 2021.

²⁷ Антропологическое определение В.И. Безбородых.

²⁸ Определение Н.И. Храпунова.

²⁹ Труфанов, Колтухов 2001–2002; Труфанов 2004.

³⁰ Труфанов 2004, 507, 514.

³¹ Труфанов, Колтухов 2001–2002, рис. 4,6; Труфанов 2004, рис. 2,8.

³² Труфанов, Колтухов 2001–2002, 278.

³³ Труфанов, Колтухов 2001–2002, рис. 2,2.

³⁴ Труфанов 2004, рис. 2,6; 8,9.

³⁵ Труфанов, Колтухов 2001–2002, рис. 5,6; 6,3.

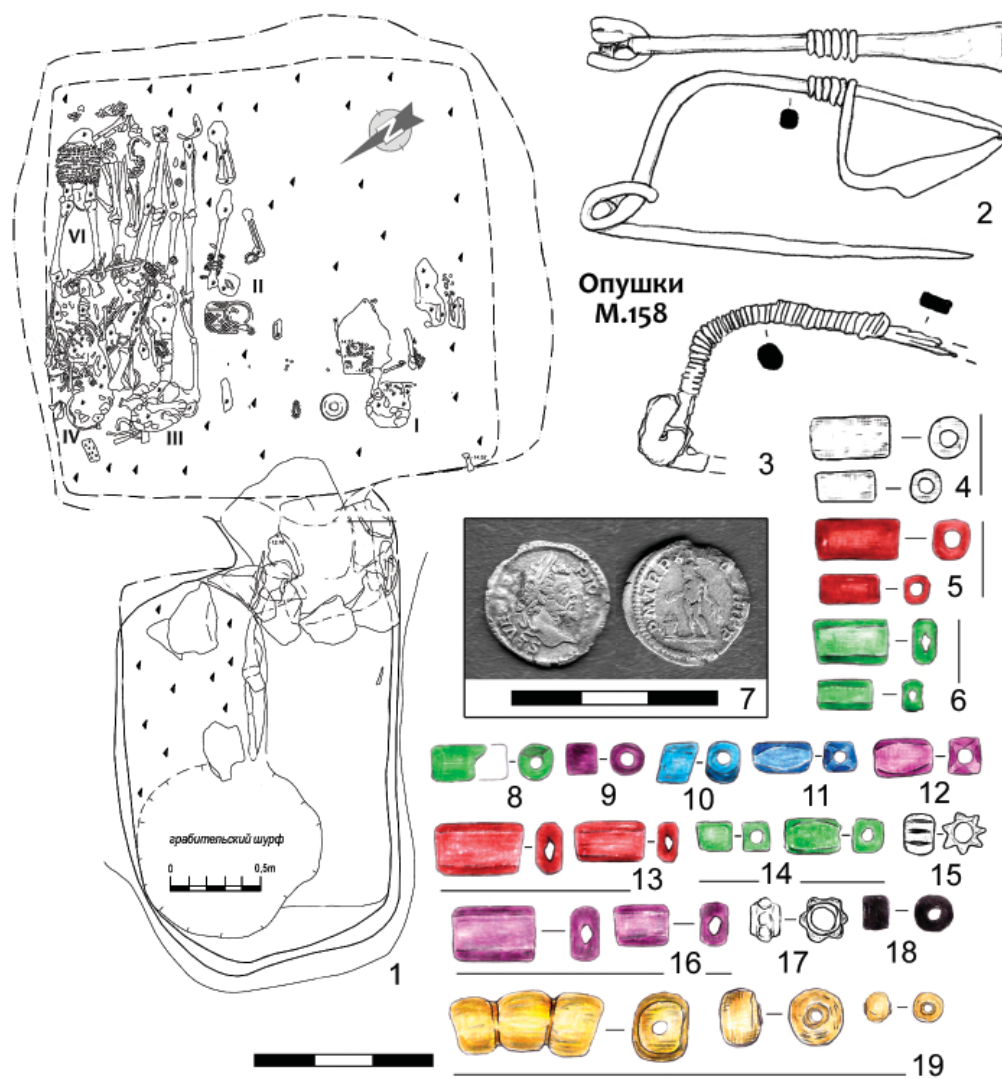

Рис. 8. Могильник Опушки, мог. № 158

Fig. 8. Opushki Necropolis, grave 158

серии³⁶. В состав инвентаря погребений также входили зеркала типа Хазанов-IX и крупные подвески-лунницы.

В Усть-Альминском некрополе аналогичные комплекты пронизей присутствуют как минимум в 11 погребениях, сопровождая, по определению авторов публикаций, женские захоронения в подбойных и грунтовых могилах. Как и в других некрополях, набор инвентаря в этих погребениях стандартен — лучковые подвязные фибулы 5-го варианта (в трех случаях), фибула «инкерманской» серии (один случай), зеркала-подвески типа Хазанов-IX, в двух погребениях — крупные пластинчатые подвески-лунницы, еще в двух погребениях — краснолаковые тарелки типа III-Д-3 по А.А. Труфанову³⁷. От наборов из Опушкинского и Нейзацкого могильника усть-альминские отличаются немногочисленностью золотостеклянных бус и частым присутствием нескольких десятков шаровидных бус из белого, красного, зеленого и черного стекла³⁸.

В могильниках Левадки и Фонтаны известно по одному комплексу, в которых наборы граненых и цилиндрических стеклянных пронизей зафиксированы *in situ*. В обоих случаях бусы сопровождали погребения в подбойных могилах. Сопутствующий инвентарь представлен лучковой подвязной фибулой 4-го варианта по А.К. Амброзу и зеркалом типа Хазанов-IX в Левадках³⁹ и краснолаковой тарелкой типа III-Д-3⁴⁰ в могильнике Фонтаны⁴¹.

Набор, по составу подобный описанным выше, присутствует среди находок из склепа, раскопанного у с. Мичуринское. Из-за отсутствия документации проблематично судить о месте его первоначального расположения на костяке. Отмечается лишь, что на костях ног обнаружены золотые бляшки и бусы. Учитывая достаточно устойчивое расположение рассматриваемых наборов, можно предположить, что входившее в состав погребального инвентаря большое количество цилиндрических и призматических бусин из красного и белого стекла в сочетании с округлыми бусами из стекла с внутренней позолотой как раз и располагались в районе ног погребенного в склепе.⁴²

ХРОНОЛОГИЯ

Наиболее устойчивая взаимосвязь наборов рассматриваемого типа проявляется с фибулами, которые присутствуют в 18 погребениях из 25 захоронений представленной в таблице 1 выборке комплексов, или в 72% случаев. Чаще всего они сочетаются в погребениях с одночленными лучковыми подвязными фибулами 5-го варианта и с фибулами «инкерманской» серии по А.К. Амброзу. Застежки 5-го варианта исследователь датирует III в. н.э. с возможностью появления в конце II в. н.э.⁴³, но на сегодняшний день общепринятым считается время бытования таких

³⁶ Труфанов 2004, рис. 11,1.

³⁷ Труфанов 1997, 189.

³⁸ Труфанов 2010, 193, таблица; Пуздровский, Труфанов 2016, 43–44, 71, 80; 2017, 54, 86–88.

³⁹ Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, 127–

⁴⁰ Труфанов 1997, 189.

⁴¹ Храпунов 2008, 13–14, рис. 22; 23, 16–41.

⁴² Мульд 2001, 51, 56.

⁴³ Амброс 1966, 51.

застежек с конца II до середины III в. н.э.⁴⁴ Хронология фибул «инкерманской» серии, датированных А.К. Амброзом в широких пределах второй половины II–III вв. н.э.⁴⁵, значительно сузилась на основании находок из предгорного Крыма, где они характерны главным образом для второй четверти – середины III в. н. э.⁴⁶

В четырех погребениях наборы сочетаются с лучковыми подвязными фибулами 4-го варианта по А.К. Амброзу, распространение которых исследователи относят ко второй половине II – рубежу II и III вв. н.э.⁴⁷ В трех случаях в погребениях присутствовали шарнирные дуговинные фибулы, датировать которые В. В. Кропотов предлагает концом II – первой половиной III в. н.э.⁴⁸, К. Хельстрём – второй половиной II–III вв. н.э.⁴⁹ Железные фибулы этого типа из нейзацкого склепа № 17 и могилы 4 некрополя Курское близки северокавказским экземплярам, присутствующим в погребениях II в. н.э.⁵⁰

На основании датировок фибул можно сделать заключение о появлении рассматриваемых наборов бус во второй половине II в. н.э., возможно, ближе к концу столетия, и их использовании всю первую половину III в. н.э. Подтверждается этот вывод частым сочетанием наборов с зеркалами типа Хазанов-IX, особая концентрация которых в предгорном Крыму наблюдается в комплексах II – первой половины III в. н.э.,⁵¹ и с крупными подвесками-лунницами, характерными для первой половины – середины III в. н.э.,⁵² а также монетами из двух погребений – херсонесским тетрассарием 161–180 гг. и денарием Юлии Домны 211–217 гг.

По всей видимости, к числу наиболее поздних захоронений с комплектами цилиндрических и граненных пронизей следует отнести погребения VIII из нейзацкой могилы № 307 и IV из опушкинского склепа № 133. Могила № 307 – уникальный случай многоярусных, хорошо стратифицированных захоронений, совершавшихся во второй половине III – начале IV в. н.э.⁵³ Погребение VIII – самое раннее в комплексе. Двучленная фибула серии III группы 15 по А.К. Амброзу с датой не ранее середины III в. н.э.⁵⁴ сопровождала соседнее захоронение VII и может определять для интересующего нас погребения VIII *terminus post quem*. Особый интерес представляет набор из опушкинского склепа № 133, дату которого уверенно определяют монеты, лежавшие стопкой рядом с бусами. Самая поздняя из них – монета Траяна Деция выпуска 249–251 гг. – свидетельствует о том, что погребение IV не могло быть совершено раньше середины III в., а в целом погребения в склепе совершались в течение второй половины III – начала IV в.⁵⁵

⁴⁴ Скрипкин 1977, 107; Кропотов 2010, 79-

⁴⁵ Амброз 1966, 52.

⁴⁶ Храпунов, Масыкин 1998, 139–143.

⁴⁷ Амброз 1966, 50; Скрипкин 1977, 107; Hellström 2018, 55.

⁴⁸ Кропотов 2010, 275, форма 30.

⁴⁹ Hellström 2018, 99–100.

⁵⁰ Габуев, Малашев 2009, 133–134.

⁵¹ Труфанов 2007, 178–179.

⁵² Труфанов 2010, 150–151; Стоянова 2016, 135–136, тип 28а.

⁵³ Храпунов 2014, 89.

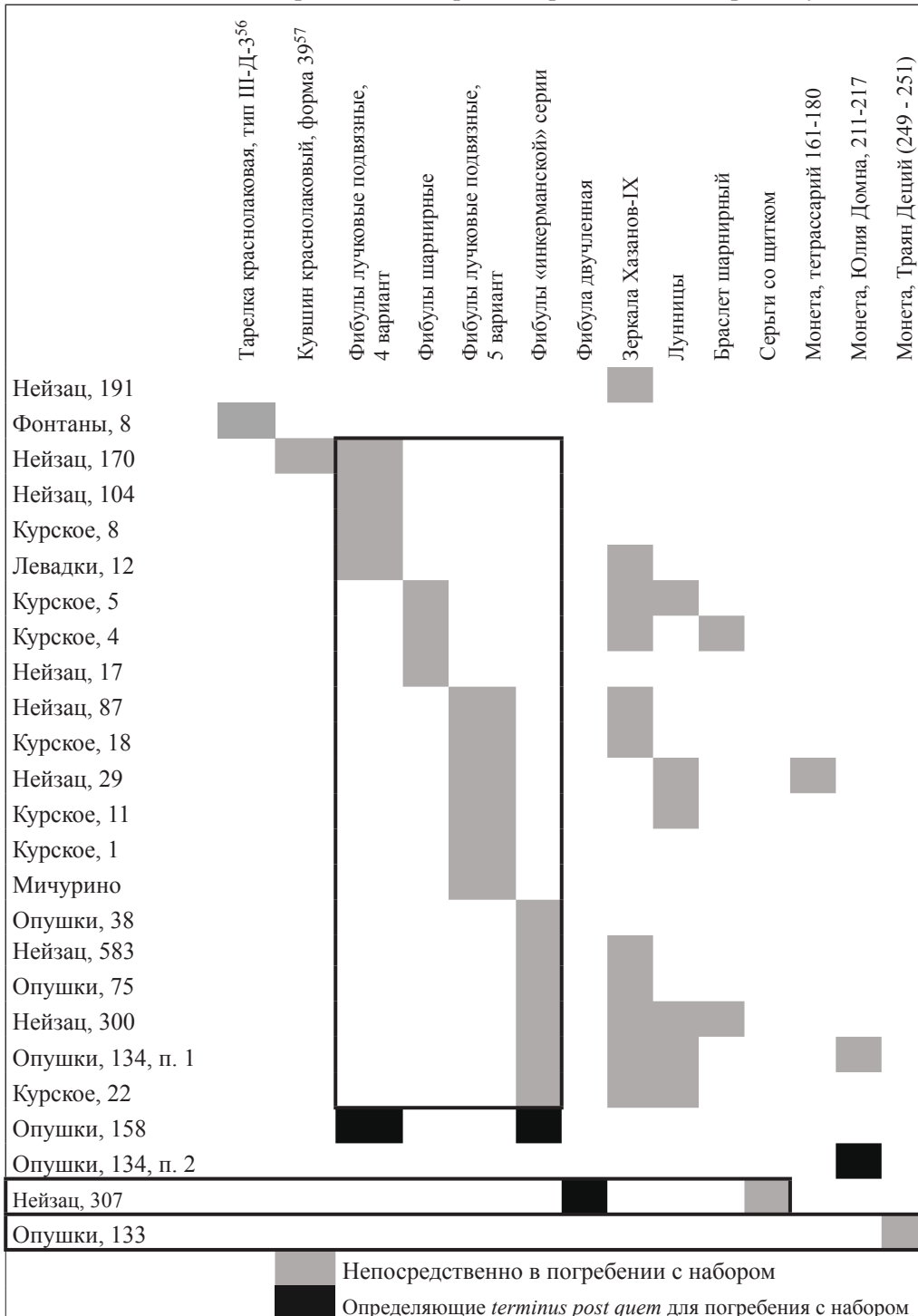
⁵⁴ Храпунов, Масыкин 1997, 168; Кропотов 2010, 151.

⁵⁵ Храпунов 2020, 253, 255.

⁵⁶ По: Труфанов 1997.

⁵⁷ По: Журавлев 2010.

Таблица 1. Хроноиндикаторы в погребениях с наборами бус

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕННЫХ

По данным антропологического анализа костяков, изучаемые наборы сопровождали только женские захоронения. По возрасту погребенных данные распределяются следующим образом: группа *Infans II* (7–14 лет) – 1 случай, группа *Juvenis* (15–19 лет) – 0 случаев, группа *Adultus* (20–44 года) – 14 случаев, группа *Maturus* (45–60 лет) – 1 случай, антропологическое определение отсутствует для 28 погребений. Можно заключить, что наборы цилиндрических и граненных бус являются частью костюма женщин старше 20 лет и, по всей видимости, отражают их социальный статус в коллективе. Лишь один раз набор зафиксирован в группе *Infans II*: это захоронение девочки 10–11 лет в могиле № 73 Опушкинского некрополя. От других детских погребений эта могила отличается размером погребальной конструкции, вполне подходящей для захоронения взрослого человека⁵⁸. Возможно, два этих факта указывают на то, что социальный статус подростков 10–11 лет отличался от положения детей более младшего возраста и они уже рассматривались как члены взрослого коллектива. В этом случае, правда, не совсем понятно отсутствие рассматриваемых наборов в группе *Juvenis*, скорее всего это обусловлено крайне малым объемом имеющихся данных.

ФУНКЦИЯ В КОСТЮМЕ

Во всех сохранившихся *in situ* захоронениях, кроме одного случая в склепе № 133 из могильника Опушки, бусы лежали поперек берцовых костей, над и под ними, являясь, очевидно, остатками обшивки подола платья, штанов или голенищ сапог. Как правило, пронизи располагались рядами, которые оббивали кости обеих ног или, реже, кости каждой ноги по отдельности. В некоторых погребениях фиксируется количество рядов от 5 до 19, обычно ряд формировался из бус одного типа или цвета. Длина рядов в первом случае варьируется от 20 до 35 см, во втором составляет 10–12 см.

Насчет удобства использования расшитой таким образом одежды можно высказать несколько соображений. Во-первых, если допустить, что обшивка маркирует ширину подола платья (до 35 см) и его длину (до уровня щиколоток), то носить такое платье и тем более выполнять в нем какую-либо работу невозможно. Возможность движения в платье со столь узким подолом могут обеспечить только глубокие разрезы. Можно предположить также, что подол платья расшивался бусами не по всей ширине, а лишь частично, по центру спереди и сзади; нельзя исключать и вероятность расшивки бусами нижнего края распашного халата. Во-вторых, составляющие набор стеклянные бусы достаточно крупные (средняя длина бус – 8–12 мм, высота – 5–8 мм) и тяжелые. Расшить сотнями таких пронизей тонкую ткань без риска порвать ее или деформировать крой одежды невозможно. Скорее всего, рассматриваемыми наборами украшалась верхняя одежда из плотной ткани или кожи, использовавшаяся в холодное время года. Но и в этом случае такой декор ее утяжелял и делал не очень удобной для передвижения и выполнения каких-то бытовых действий. Эти, сугубо умозрительные, заключения

⁵⁸ Стоянова 2012, 59, 88, рис. 53.

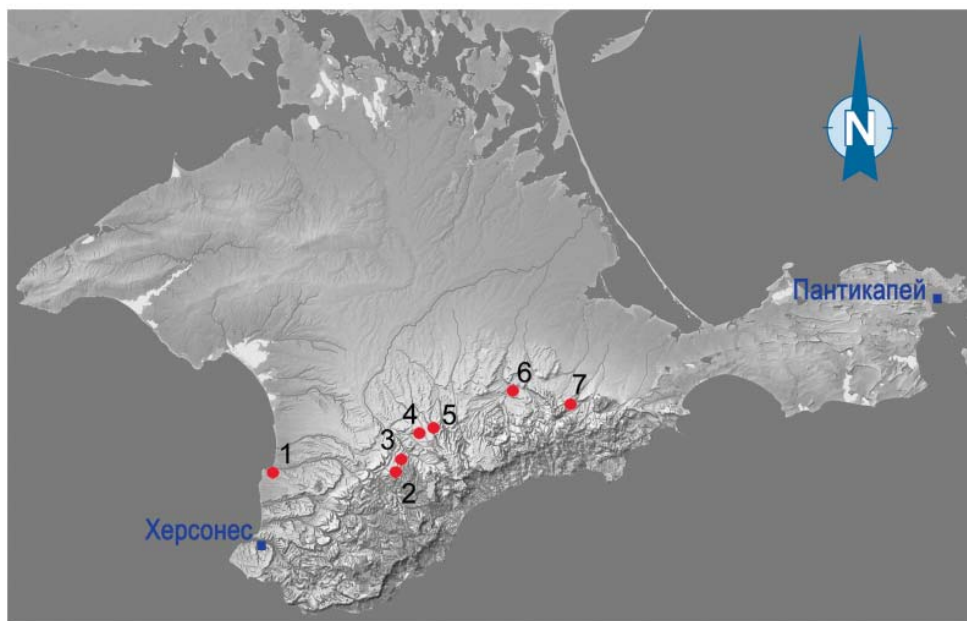

Рис. 9. Распространение наборов стеклянных бус: 1 – Усть-Альминский могильник, 2 – могильник Левадки, 3 – могильник Фонтаны, 4 – могильник Опушки, 5 – могильник Нейзац, 6 – погребение у с. Мичурино, 7 – могильник Курское

Fig. 9. Distribution of sets of beads: 1 – Ust'-Al'ma Necropolis; 2 – Levadki Necropolis; 3 – Fontany Necropolis; 4 – Opushki Necropolis; 5 – Neyzats Necropolis; 6 – grave burial near Michurino village; 7 – Kurskoye Necropolis

позволяют предположить, что костюм, столь обильно расшитый бусами, был скорее обрядовым, может быть – погребальным, чем повседневным. С другой стороны, несмотря на общую стандартность, наборы из разных погребений имеют и индивидуальные особенности в виде включения в них единичных бусин других типов, отличающихся от базовых формой и цветом. Такие дополнения могли являться результатом «ремонта» обшивки, когда бусы в процессе использования одежды ломались и заменялись другими, находящимися «под рукой», пронизьями.

В Опушкинском могильнике, в склепе № 133, отмечен единственный случай, когда бусы, зафиксированные *in situ*, располагались не на костяке, а рядом с ним в углу гроба, компактным скоплением (рис. 6, 1). Этот комплекс отличается от остальных еще рядом существенных моментов: в состав набора входили гагатовые пронизи и подвески; сопровождающий инвентарь (кроме бус) типичен для мужского, а не женского, погребения; захоронение совершено во второй половине III в. н.э., возможно, ближе к середине столетия, но в любом случае в то время, когда рассматриваемые наборы уже не использовались. Бусы лежали на слое органического тлена черного цвета: очевидно, они были нашиты на какой-то материал – ткань или кожу⁵⁹. Можно предположить, что с умершим в гроб положили свернутое в рулон женское платье, подол которого был расшит цилиндрическими и гранеными сте-

⁵⁹ Храпунов 2020, 249, 254, 255, рис. 4, IV; 14,7.

клянными пронизьями и бусами с позолотой, а ворот или нагрудная часть – гагатowymi украшениями (расположение гагатowego бисера, которым могла расшиваться верхняя часть одежды, часто встречается в погребениях предгорного Крыма)⁶⁰.

АРЕАЛ

Концентрация рассматриваемых наборов бус отмечается в могильниках центральной части крымских предгорий (рис. 9) – чаще всего они представлены в погребениях Опушкинского и Нейзацкого могильников, хотя в процентном соотношении число захоронений с такими наборами крайне незначительно (3,8% и 2,8% соответственно). В памятниках юго-западного Крыма, судя по опубликованным материалам, эти наборы отсутствуют, за исключением Усть-Альминского некрополя, где доля захоронений с такими украшениями также невелика – всего 11 погребений на более чем тысячу исследованных комплексов. Иная ситуация наблюдается в некрополе у с. Курское. Здесь рассматриваемые наборы зафиксированы почти в каждой третьей раскопанной могиле, но объяснить это иначе, чем случайностью, проблематично из-за слабой изученности памятника. В любом случае вряд ли можно утверждать, что украшение одежды рассматриваемыми наборами было общепринятой «модой», скорее такие комплекты бус использовались как один из способов декора костюма наряду с другими наборами, состоящими, например, из фаянсового бисера или гагатowych пронизей⁶¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиция расшивать обувь или подол платья бусами была присуща кочевым сарматам и населению, испытавшему влияние сарматской культуры. Для этой цели чаще всего использовались небольшие наборы стеклянного, гагатowego или фаянсового бисера, составлявшие 1–2 ряда обшивки⁶². Наборы, по числу бус сопоставимые с предгорно-крымскими, за пределами полуострова встречаются крайне редко⁶³, а схожие по составу – отсутствуют. Исключение – сарматские погребения конца II–IV вв. н.э. из Альфельда и Баната, где зафиксированы очень близкие и по количеству, и по составу наборы.⁶⁴ Такое положение дел дает основание считать, что рассматриваемые комплекты бус – явление региональное, сформировавшееся у населения крымских предгорий, причем распространенное не везде, а в отдельных коллективах, хоронивших на определенных некрополях. Интересно, что погребения с такими наборами встречены как в позднескифских могильниках (Усть-Альма, Левадки, Фонтаны), так и в некрополях эклектичной по своему характеру нейзацкой культуры (Курское, Нейзац, Опушки).⁶⁵ В последних двух памятниках обращает на себя внимание присутствие наборов стеклянных и золотостеклянных пронизей в склепах с короткими дромосами позднеримского времени. Такие скле-

⁶⁰ Стоянова 2011, 119.

⁶¹ Стоянова 2011, 119–120.

⁶² Боталов, Гуцалов 2000, 50–53, 109; Власкин 2000, 14; Захаров 2000, 28; Беспалый, Лукьяшко 2018, 146; Лимберис, Марченко 2019, 179, 182.

⁶³ Медведев 1990, 146, 147; Беспалый 2000, 163; Румянцева 2009, 386.

⁶⁴ Иштванович и др. 2020, 37; Grumeza, Bârcă 2020, 409–412, Fig. 7, 9.

⁶⁵ Храпунов 2019.

пы появляются в предгорьях Крыма в первой половине III в. н.э., в IV в. н.э. в них производится большинство захоронений. Считается, что в Крым они привнесены мигрантами с Северного Кавказа⁶⁶. Женские погребения с остатками расшивки нижнего края одежды из нейзацких склепов № 17, 104 и опушкинских склепов № 38, 75, 134, 158 не отличаются от захоронений в подбойных могилах, которые известны на крымских некрополях с I в. н.э. и связываются с сарматами⁶⁷. Традиционный костюм – явление очень консервативное, поэтому маловероятно, чтобы пришедшие в конце II – первой половине III в. на новую территорию женщины (если они вообще были в числе мигрантов) в течение нескольких десятилетий заимствовали традиции украшения одежды у автохтонного населения крымских предгорий. Скорее всего, присутствие в склепах с дромосами женских погребений с богатым декором подола платья отражает сложные процессы взаимодействия пришельцев и аборигенных жителей, возможно, маркируют формирование смешанных брачных союзов. О гетерогенном составе коллективов, хоронивших своих умерших в новых для предгорного Крыма погребальных конструкциях, свидетельствуют также зафиксированные в некоторых склепах первой половины III в. н.э. многоярусность захоронений и сдвигение костей ранее погребенных соплеменников – черты, типичные для позднескифских склепов раннеримского времени⁶⁸.

Приложение 1

Химический состав стеклянных бус

Для семи образцов бус из набора, обнаруженного в могиле № 283 Опушкинского некрополя, проведен химический анализ стекла. Определение химического состава бус выполнено методом электронно-зондового микроанализа в Лаборатории локальных методов исследования вещества геологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Анализ бус и первичная обработка результатов проведены старшим научным сотрудником Лаборатории, кандидатом геолого-минералогических наук Т.Н. Лубковой⁶⁹. Исследованы по одному экземпляру пронизей следующих типов: цилиндрическая красная (образец Б1), цилиндрическая белая (образец Б2), призматическая белая (образец Б3), призматическая красная (образец Б4), призматическая зеленая (образец Б5), 14-гранная зеленая (образец Б6) и бочковидная из стекла с внутренней металлической прокладкой (образец Б7). Результаты анализа сведены в таблицу.

Результаты анализа внутренней металлической прокладки в образце Б-7 (выполнен методом РФА-ЭД (спектрометр Termo Niton FXL-950))

№ образца	№ измерения (точки)	Массовые % элементов			
		Cu	Ag	Au	сумма
Энергодисперсионный рентгенофлуоресцентный анализ (РФА-ЭД)					
Б-7	среднее из двух измерений	<0.1	8.6	91.3	99.9

⁶⁶ Храпунов 2016, 124; 2019, 33–34; Айбабин, Хайрединоva 2017, 41–42.

⁶⁷ Храпунов 2016, 122.

⁶⁸ Храпунов, Мульд 2004, 312; Храпунов, Стоянова 2021.

⁶⁹ Пользуясь случаем, благодарю Татьяну Николаевну за проделанную работу.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТЕКЛЯННЫХ БУС ИЗ МОГИЛЫ №283 МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ

Об-разец	Цвет, прозрачность	Примечание	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	Cl	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	FeO	CoO	CuO	SnO ₂	Sb ₂ O ₅	PbO
Б1	Практически бесцветное, прозрачное	основа	13.40	3.86	1.66	62.93	1.18	0.23	0.95	1.67	11.37	0.15	0.36	1.38	<0.01	0.01	0.05	0.31	0.04
		покрытие	11.92	2.26	1.94	55.78	0.74	0.31	0.92	2.11	7.31	0.13	0.42	1.31	0.01	2.26	0.33	0.40	10.05
Б2	Белое, глухое	режим фокусировки	16.21	0.67	2.07	70.70	<0.01	0.29	1.16	0.55	6.06	0.10	0.03	0.47	0.01	<0.01	<0.01	0.85	0.01
		область включений Са-Sb-оксида (фаза Са ₂ Sb ₂ O ₇)	15.57	2.71	1.99	66.68	0.01	0.43	0.69	0.57	7.03	0.13	0.01	0.56	0.01	0.02	<0.01	<0.01	4.56
Б3	Белое, глухое	сканирование по площади	18.14	0.88	1.91	68.18	0.02	0.37	1.09	0.54	6.68	0.07	0.01	0.41	<0.01	0.03	<0.01	1.74	0.05
		сканирование по площади; отмечены включения Са-Sb-оксида, зерен кварца	18.64	1.69	1.70	65.28	<0.01	0.38	0.93	0.45	5.26	0.06	0.02	0.31	0.02	<0.01	0.07	4.57	0.09
Б4	Красное, глухое	сканирование по площади	10.34	2.59	2.03	54.91	1.09	0.29	0.80	3.00	7.20	0.25	0.40	1.28	<0.01	2.59	0.48	0.35	11.20
Б5	Темно-зеленое, прозрачное	сканирование по площади	15.12	2.38	1.96	63.08	0.80	0.25	0.96	1.89	8.73	0.14	0.27	1.67	0.08	2.28	0.07	0.38	0.06
Б6	Темно-синее, прозрачное	сканирование по площади	18.53	0.58	1.92	67.30	0.01	0.40	1.03	0.59	5.80	0.09	0.07	1.57	0.08	0.27	0.11	1.21	0.06
Б7	Б/лв, прозрачное, с внутренней металлической прокладкой	сканирование по площади; анализ стекла	18.62	0.56	2.06	69.06	<0.01	0.33	1.02	0.58	6.02	0.12	<0.01	0.54	<0.01	<0.01	<0.01	1.11	0.08

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И., Хайрединова, Э.А. 2017: *Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.)*. Симферополь.
- Алексеева, Е.М. 1978: *Античные бусы Северного Причерноморья (САИ Г1-12)*. М.
- Амброз, А.К. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР (САИ Д1-30)*. М.
- Беспалый, Е.И. 2000: Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном. В сб.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона I*. Ростов-на-Дону, 156–168.
- Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. 2018: *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 2. Курганный могильник у с. Новоалександровка*. Ростов-на-Дону.
- Боталов, С.Г., Гуцалов, С.Ю. 2000: *Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей*. Челябинск.
- Власкин, М.В. 2000: Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I. В сб.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона I*. Ростов-на-Дону, 9–26.
- Габуев, Т.А., Малашев, В.Ю. 2009: *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа*. М.
- Журавлев, Д.В. 2010: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. Симферополь.
- Захаров, А.В. 2000: Сарматское погребение в кургане «Крестовый». В сб.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона I*. Ростов-на-Дону, 27–45.
- Иштванович, Э., Кульчар, В., Стоянова, А.А., 2020: Бусы в костюме населения сарматского времени Крыма и Альфельда. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) VI*. Симферополь, 10–43.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2019: Сарматское погребение из кургана «Кирпичный» в Прикубанье. *НАВ* 18/1, 178–191.
- Медведев, А.П., 1990: *Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья)*. Воронеж.
- Мульд, С.А. 2001: Позднесарматское погребение в Центральном Крыму. *МАИЭТ VIII*, 51–66.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* Симферополь.
- Румянцева, О.С. 2009: Бусы могильника Брут 2-й половины II – III вв. н.э. В кн.: Т.А. Габуев, В.Ю. Малашев (ред.), *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа*. М., 341–437.
- Скрипкин, А.С. 1977: Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребения). *СА* 2, 100–121.
- Стоянова, А.А. 2005: Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму. *МАИЭТ XI*, 153–169.
- Стоянова, А.А. 2011: Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 115–152.
- Стоянова, А.А. 2012: *Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.)*. Симферополь.
- Стоянова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) II*. Симферополь, 122–165.

- Труфанов, А.А. 1997: Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников юго-западного и центрального Крыма). В сб.: Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник I*. Симферополь, 181–192.
- Труфанов, А.А. 2004: Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.). В сб.: Н.М. Куковальская (ред.), *Сугдейский сборник*. Киев–Судак, 495–521.
- Труфанов, А.А. 2007: Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика*. Симферополь, 173–186.
- Труфанов, А.А. 2010: Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя. *Stratum plus* 4, 145–195.
- Труфанов, А.А., Колтухов, С.Г. 2001–2002: Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму. *Stratum plus* 4, 278–295.
- Хазанов, А.М. 1963: Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА* 4, 58–72.
- Храпунов, И.Н. 2008: *Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000–2001 гг.)*. Симферополь.
- Храпунов, И.Н. 2011: Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 13–60.
- Храпунов, И.М. 2014: Підбійна могила з похованнями III – IV ст. з могильника Нейзац. *Археологія* 2, 80–90.
- Храпунов, И.Н. 2016: Население горного Крыма в позднеримское время. *ВДИ* 76/1, 118–134.
- Храпунов, И.Н. 2019: Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму. *РА* 1, 32–49.
- Храпунов, И.Н. 2020: Склеп с монетами III в. н. э. из могильника Опушки. *НАВ* 19/2, 247–278.
- Храпунов, И.Н., Мяскин, В.В. 1997: Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное. *Stratum plus. Петербургский археологический вестник*, 164–180.
- Храпунов, И.Н., Мяскин, В.В. 1998: Могила с двумя подбоями III в. н. э. из некрополя Дружное в Крыму. *РА* 4, 133–149.
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А. 2000: Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму. In: М. Мацьюńska, Т. Grabarczyk (red.), *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź, 479–521.
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А. 2004: Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац. *БИ VII*, 299–326.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А. 2021: Склеп с многократными погребениями III в. н. э. из могильника Опушки. *НАВ* 20, № 1, 217–250.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А., Мульд, С.А. 2001: Позднескифский могильник у с. Левадки. В сб.: Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов (ред.-сост.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник II*, 105–168.
- Grumeza, L., Bârcă, V. 2020: Glass beads discovered in the Sarmatian cemeteries from southwestern Romania. В сб.: А.В. Буйських (ред.), *Археологія і давня історія України* 3(36), 402–415.
- Hellström, K. 2018: *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)*. Bonn.
- Khrapunov, I., Stoyanova, A., 2018: Fibulae in the Necropolis of Nezac. In: B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich (eds.). *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin I*. Lublin, 456–479.

Maćzyński, P., Polit, B. 2016: Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.) II: 20 лет исследований могильника Нейзац*. Симферополь, 76–96.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1978: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient beads in the Northern Black Sea Area] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12). Moscow.
- Ambroz, A.K., 1966. *Fibuly iuga evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n. e. – IV v. n. e.* [The brooches on the south of the European Part of the USSR, 2nd century BC to 4th century AD] (Svod arkheologicheskikh istochnikov D1–30). Moscow.
- Aybabin, A.I., Khayredinova, E.A. 2017: *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [The Crimean Goths in the Region of Dory (mid-3rd to 7th centuries)]. Simferopol.
- Bespalyy, E.I. 2000: Pozdnesarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Vysochino V na vodorazdele mezhdu Kagal'nikom i Donom [Late Sarmatian Burial of the Vysochino V Necropolis at the Kagalnik-Don watershed]. In: Yu.K. Guguev (eds.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [The Sarmatians and their neighbours on the Don] I. Rostov-na-Donu, 156–168.
- Bespalyy, E.I., Lukyashko, S.I. 2018: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. T. 2. Kurgannyi mogil'nik u s. Novoaleksandrovka* [Ancient Population of the Don and the Kagal'nik. Vol. 2: A Burial Mound near the Village of Novoaleksandrovka]. Rostov-on-Don.
- Botalov, S.G., Gutsalov, S.Yu. 2000: *Gunno-sarmaty Uralo-kazakhstanskikh stepey* [The Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk.
- Gabuev, T.A., Malashev, V.Yu. 2009: *Pamyatniki rannikh alan central'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Sites of the early Alans of the central regions of the North Caucasus]. Moscow.
- Grumeza, L., Bârcă, V. 2020: Glass beads discovered in the Sarmatian cemeteries from southwestern Romania. In: A.V. Buyskikh (ed.), *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy* [The archaeology and ancient history of Ukraine] 3(36), 402–415.
- Hellström, K. 2018: *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)*. Bonn.
- Ishtvanovich, E., Kul'char, V., Stoyanova, A.A. 2020: Busy v kostyume naseleniya sarmatskogo vremeni Kryma i Al'fyel'da [Beads in the costume of the Sarmatian Age population in Crimea and Great Hungarian Plain]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Kрым v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Age of Sarmatians, 200 BC – AD 400] VI. Simferopol, 10–43.
- Khazanov, A.M. 1963: Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [The origin of the Sarmatian bronze mirrors]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 58–72.
- Khrapunov, I., Stoyanova, A., 2018: Fibulae in the Necropolis of Neizac. In: B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich (eds.). *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* I. Lublin, 456–479.
- Khrapunov, I.N. 2008: *Pozdneskijskiy mogil'nik Fontany (po rezul'tatam raskopok 2000–2001 gg.)* [Late Scythian Necropolis of Fontany (according to 2000–2001 excavation)]. Simferopol.
- Khrapunov, I.N. 2011: Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neyzats [Some results of the researches of the Necropolis of Neizats]. *Issledovaniya mogil'nika Neizats* [Exploring the Necropolis of Neizats]. Simferopol, 13–113.
- Khrapunov, I.N. 2016: Naselenie gornogo Kryma v pozdnerimskoe vremya [Population of the Crimean Mountains area in the Late Roman period]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 76/1, 118–134.

- Khrapunov, I.N. 2019: Arkheologicheskaya kultura pozdnerimskogo vremeni v predgornom Krymu [Archaeological Culture of the Late Roman Period in the Piedmont Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 32–49.
- Khrapunov, I.N. 2020: Sklep s monetami III v. n. e. iz mogil'nika Opushki [A burial vault with third-century coins in the Necropolis of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga archaeological bulletin] 19/2, 247–278.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V. 1997: Podboynaya mogila vtoroy poloviny III veka nashey ery iz mogil'nika Druzhnoe [Undercut grave of the second half of the 3rd century AD from the Druzhnoe Necropolis]. *Stratum Plus. Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik* [Stratum Plus. Petersburg archaeological bulletin], 164–180.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V. 1998: Mogila s dvumya podboyami III v. n. e. iz nekropolya Druzhnoe v Krymu [A tomb with two cut niches dating to the 3rd century AD from the Necropolis Druzhnoye in the Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 133–149.
- Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A. 2004.: Sklepy s pogrebeniyami III v. n. e. iz mogil'nika Neyzats [The vaults with the 3rd century AD burials in the Necropolis of Neizats]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] VII, 299–326.
- Khrapunov, I.N., Muld, S.A. 2000: Novye issledovaniya mogil'nikov pozdnerimskogo vremeni v Krymu [New researches of cemeteries of the Late Roman period in the Crimea]. In: M. Mączyńska, T. Grabarczyk (eds.), *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź, 479–521.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2021: Sklep s mnogokratnymi pogrebeniyami III v. n. e. iz mogil'nika Opushki [A burial vault with repeated burials from the 3rd century A.D. in the Necropolis of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy archeologicheskiy vestnik* [The Lower Volga archaeological bulletin] 20, no. 1, 217–250.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A., Muld, S.A. 2001: Pozdneskifskiy mogil'nik u s. Levadki [Late Scythian Necropolis near Levadky Village]. In: Yu.M. Mogarichev, I.N. Khrapunov (eds.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray Historical and archaeological collected works] II, 105–168.
- Khrapunov, I.M. 2014: Pidbijna mogila z pohovannjami III – IV st. z mogil'nika Neyzats [Undercut grave with the 3rd – 4th c. burials from Neyzats Burial ground]. *Arheologiya* [Archaeology] 2, 80–90.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2019: Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana «Kirpichnyy» v Prikuban'e [The Sarmatian burial from “Kirpichnyy” barrow in Kuban region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin] 18/1, 178–191.
- Mączyński, P., Polit, B. 2016: Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400)]. Vol. II: 20 years of researches at the Necropolis of Neizats]. Simferopol, 76–96.
- Medvedev, A.P. 1990: *Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya)* [Sarmatians and forest-steppe (according to Podonye materials)]. Voronezh.
- Muld, S.A. 2001: Pozdnesarmatskoe pogrebenie v Central'nom Krymu [Late Sarmatian burial in the Central Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] VIII, 51–66.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Field researches at Ust'-Al'ma Necropolis in 2008–2014]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* [Field researches at Ust'-Al'ma Necropolis in 2004–2007]. Simferopol.
- Rumyantseva, O.S. 2009: Busy mogil'nika Brut 2 2-y poloviny II–III vv. n. e. [Beads of the Brutus 2 Necropolis of the second half of the 2nd–3rd centuries AD]. In: T.A. Gabuev, V.Yu. Malashev (eds.), *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza*

- [*Monuments of the early Alans of the central regions of the North Caucasus*]. Moscow, 341–437.
- Skripkin, A.S. 1977: Fibuly Nizhnego Povolzh'ya (po materialam sarmatskikh pogrebeniy) [Fibulae of the Lower Volga region (according to Sarmatian burial materials)]. *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet Archaeology] 2, 100–121.
- Stoyanova, A.A. 2005: Podboynaya mogila no.193 iz mogil'nika Neyzats v Central'nom Krym [Shaft-and-chamber Grave no. 193 from Neizats Necropolis in the Central Crimea]. *Materialy po arkhеologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria] XI, 153–169.
- Stoyanova, A.A. 2011: Aksessuary zhenskogo kostyuma II – pervoy poloviny III v. n. e. iz mogil'nika Neizats [The second and the first half of the third century AD female costume accessories from the Necropolis of Neizats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Issledovaniya mogil'nika Neizats* [Exploring the Necropolis of Neizats]. Simferopol, 115–152.
- Stoyanova, A.A. 2012: *Det'skie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.)* [Children's burials in the Necropolis of Opushki (according to 2003–2009 excavations)]. Simferopol.
- Stoyanova, A.A., 2016: Podveski iz mogil'nika Neizats [Pendants from the Necropolis of Neizats]. In: I.N. Khrapunov (red.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). Vol. II: 20 years of researches at the Necropolis of Neizats]. Simferopol, 122–165.
- Trufanov, A.A. 1997: Tipologiya krasnolakovykh tarelok s vertikal'nym bortikom (po materialam mogil'nikov yugo-zapadnogo Kryma) [A typology of the red-slip plates with vertical border (according to the materials from the south-western Crimea)]. In: Yu.M. Mogarichev, I.N. Khrapunov (eds.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisarai historical and archaeological proceedings] I. Simferopol, 181–192.
- Trufanov, A.A. 2004: Podboynye mogily III v. n. e. nekropolya u s. Kurskoe (po materialam raskopok 2001 g.) [The third-century AD undercut graves in the Necropolis of Kurskoe (according to 2001 excavation materials)]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sougdaia proceedings] I. Kiev–Sudak, 495–521.
- Trufanov, A.A. 2007: Zerkala-podveski pervykh vekov n. e. iz mogil'nikov Krymsky Skifi [Mirror-pendants of the first centuries A.D. from the necropolis of the Crimean Scythia]. In: Y.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika* [The Ancient Taurika]. Simferopol, 173–186.
- Trufanov, A.A. 2010: Pogrebeniya III v. n. e. na yugo-zapadnoy okraine Ust'-Al'minskogo nekropolya [Burials of 3rd Century A.D. from South-Western Margin of Ust-Alma Necropolis]. *Stratum plus* 4, 145–195.
- Trufanov, A.A., Koltukhov, S.G. 2001–2002: Issledovanie pozdneantichnogo nekropolya u s. Kurskoe v Yugo-Vostochnom Krymu [Researches of the Late-Antique Necropolis near the village of Kurskoye in the South-Eastern Crimea]. *Stratum plus* 4, 278–295.
- Vlaskin, M.V. 2000: Rannesarmatskie pogrebeniya mogil'nika Severo-Zapadnyy I [Early Sarmatian Burial at the Severo-Zapadny I Necropolis]. In: Yu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ih sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arkhеologii Dona* [The Sarmatians and their neighbours on the Don] I. Rostov-on-Don, 9–26.
- Zakharov, A.V. 2000: Sarmatskoe pogrebenie v kurgane “Krestovyy” [A Sarmatian Burial under the Krestovyi Barrow]. In: Yu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ih sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arkhеologii Dona* [The Sarmatians and their neighbours on the Don] I. Rostov-on-Don, 27–45.
- Zhuravlev, D.V. 2010: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n. e.: (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny)* [The red slip ware in the south-

---

western Crimea from the first to third century AD (according to the finds from the Late Scythian cemeteries in the Belbek river valley)]. Simferopol.

A TYPE OF SETS OF BEADS FROM FEMALE BURIALS OF THE OF THE ROMAN PERIOD FROM THE FOOTHILL CRIMEA

Anastasiya A. Stoyanova

*Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol,
Russia*

ancient2008@mail.ru, stoyanova.anastasiya@gmail.com

Abstract. Some Crimean burials of the first centuries AD contain large, compositionally similar sets of glass beads laid across the lower-leg bones of the buried people. For the most part, they represent cylindrical red and white beads, prismatic red, white and green beads, green, blue and purple 14-faceted beads, rounded-bead necklaces with inner metallic shim. The average number of beads in a set amount to several hundred. They are for the most part related to the 5th-category one-segmented bow-shaped garter-type fibulae and to “Inkerman” series fibulae according to Ambroz’s classification. It can be concluded, on the basis of the fibulae dating records, that such sets appeared in the foothill Crimea in the second half of the 2nd century AD, possibly closer to the end of the century, and were used throughout the first half of the 3rd century AD. This conclusion is confirmed by the conjunction of the bead sets with the Khazanov-IX type mirrors, large lunulae pendants and coins. These beads were part of the costume of women aged over 20; they were most likely used to embroider the border of dress skirts, pants or boot tops. The tradition to embroider shoes or dress skirting with bead necklaces was widespread in the Sarmatian world and the bordering regions; however, the sets similar to those being explored are almost never found outside the Crimea. An exception is the Sarmatian Alföld and Banat burials where the sets much similar in composition and in purpose were used from the 2nd to the 4th centuries. Most probably, the considered sets of beads represent a phenomenon formed among the Crimean foothills population in the second half of the 2nd century. This tradition was not widespread, but was practiced in individual groups that buried their tribesmen at certain necropoleis. The presence of such sets in short-dromos crypt that are found in the Crimean foothills, being dated to the first half of the 3rd century AD, is particularly interesting – these burials are treated by the researchers as associated with the migrants from the North Caucasus. This fact reflects the complicated processes of interaction between the aliens and the indigenous population and, possibly, points to the formation of heterogeneous marriages.

Keywords: The Foothill Crimea, Roman period, sets of beads, female costume, chronology, ethnic processes.
